
The Women Question in the Jadid Press of Turkestan in the Early Twentieth Century

Dalieva Madina Khabibullaevna

m.daliyeva@uzswlu.uz

DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines how the Jadid periodical press in Turkestan (1906–1917) turned the “women question” into a practical agenda of social reform. Drawing on programmatic newspapers and journals (including Taraqqiy, Sadoi Turkiston, and the journal platform Oyina), the study maps major discursive frames: women’s schooling as a precondition for progress; criticism of costly rituals and early marriage; domestic literacy and motherhood as civic competence; and tensions between reformist rhetoric and inherited family morals. The paper combines historical discourse analysis with targeted content analysis and relies on core scholarship on Jadidism and Central Asian history. It argues that print media functioned as a public arena for negotiating new norms, while the modernization project remained non-linear due to censorship, uneven literacy, and competing ideological programs.*

Keywords *Jadidism, periodical press, women’s education, Turkestan, modernization, discourse, social reform*

XX asr boshida Turkistonda jadid matbuotida ayollar masalasi

Dalieva Madina Xabibullaevna

m.daliyeva@uzswlu.uz

Filologiya fanlari doktori (DSc), dosent,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada 1906–1917-yillarda Turkistondagi jadid davriy matbuoti «ayollar masalasi»ni jamiyatni yangilashning amaliy kun tartibiga aylantirgani tahlil qilinadi. «Taraqqiy», «Sadoi Turkiston» kabi gazetalar hamda «Oyina» jurnalidagi muhokamalar asosida ayollar ta’limini taraqqiyot sharti sifatida asoslash, erta nikoh va ortiqcha marosim xarajatlarini tanqid qilish, uy savodxonligi va onalikni ijtimoiy mas’uliyat deb talqin etish hamda islohotchi ritorika bilan an’anaviy oilaviy axloq o’rtasidagi ziddiyatlar ko’rsatiladi. Metodologiya tarixiy-diskursiv tahlil va tanlab olingan kontent-tahlilni birlashtiradi. Natijada matbuot yangi me’yorlarni kelishib olish uchun ommaviy maydon vazifasini bajargani asoslanadi.*

Kalit so‘zlar *Jadidchilik, davriy matbuot, ayollar ta’limi, Turkiston, modernizatsiya, diskurs, ijtimoiy islohot*

Женский вопрос в джадидской прессе Туркестана начала XX века

Далиева Мадина Хабибуллаевна

m.daliyeva@uzswlu.uz

Доктор филологических наук (DSc), доцент,
Узбекский государственный университет
мировых языков

- Аннотация** *Статья рассматривает, каким образом джадидская периодическая печать Туркестана в 1906–1917 гг. превращала «женский вопрос» в инструмент общественной модернизации. На материале программных газет и журналов (включая ранние издания «Taraqqi», «Sadoi Turkiston», а также журнальную площадку «Oyina») анализируются ключевые дискурсивные рамки: обоснование женского образования как условия прогресса; критика расточительных обрядов и ранних браков; обсуждение домашней грамотности и материнства как гражданской компетенции; напряжение между реформаторской риторикой и традиционными нормами семейной морали. Работа опирается на историко-дискурсивный анализ и целевой контент-анализ, используя исследования по джадидизму и истории Центральной Азии. Делается вывод, что печать служила публичной площадкой выработки новых норм, хотя модернизационный проект оставался нелинейным из-за цензуры, неравномерной грамотности и конкуренции идеологий.*
- Ключевые слова** *Джадидизм, периодическая печать, женское образование, Туркестан, модернизация, дискурс, общественная реформа*

Введение

Джадидизм в Центральной Азии обычно описывается как движение культурной реформы, в котором образование, язык, театр и печать выступили как взаимосвязанные инструменты обновления. Внутри этой программы «женский вопрос» занимал особое место: обсуждение школы для девочек, семейных обычаев, раннего брака и женской грамотности позволяло говорить о будущем общества через фигуру семьи. Печать стала медиатором между нормативной традицией и проектом модернизации: она создавала публичную аудиторию, где социальные практики могли быть описаны как проблема, а затем предложены варианты «исправления».

Появление джадидской периодики в Туркестане связано с либерализацией печатного поля после событий 1905 г. и частичным расширением возможностей для печати на тюркских языках. В обзорных работах по истории джадидизма

подчеркивается, что джадиды рассматривали прессу не только как канал информации, но и как площадку формирования новых норм и языка реформ (Khalid, 1998; Hitchins, 2017). В июне 1906 г. начинает выходить газета «Taraqqi», которую исследователи истории печати связывают с ранним этапом национальной газетной традиции в Ташкенте (Abdurasulov, 2022). В 1913–1915 гг. журнал «Oyina», издаваемый Махмудходжой Бехбуди в Самарканде, выступает как журнальная площадка для развернутых просветительских текстов и полемики (Egamqulova, 2019).

Цель статьи – показать, каким образом джадидская пресса Туркестана превращала женскую тематику из частной темы в аргумент публичной культурной реформы. В центре внимания – дискурсивные рамки (как именно доказывалась необходимость образования и реформы семьи), а также границы модернизации, связанные с цензурой и социальной структурой аудитории.

Материалы и метод

Материал исследования составляют тексты джадидской периодики и исследования, реконструирующие их функции и тематические приоритеты. В качестве репрезентативных примеров рассматриваются «Taraqqiyy» (1906), «Oyina» (1913–1915) и «Sadoi Turkiston» (1914–1915) в той мере, в какой их роль отражена в современных научных работах (Abdurasulov, 2022; Egamqulova, 2019; Begbudieva, 2023). Методологически работа сочетает историко-дискурсивный анализ и целевой контент-анализ. Историко-дискурсивный анализ позволяет выделять устойчивые аргументативные схемы и ценностные противопоставления (например, «невежество/просвещение», «расточительность/польза», «обычай/истинная религия»). Целевой контент-анализ используется для фиксации повторяющихся тематических блоков: образование, брак, обряды, семейная экономика, материнство, здоровье, язык и грамотность.

Ограничение исследования состоит в том, что печатные массивы многих изданий сохранились фрагментарно; поэтому выводы ориентированы на реконструкцию логики публичного разговора, а не на исчерпывающую статистику частот.

Печать как инфраструктура реформы

Печать в джадидской конфигурации реформ выступала как инфраструктура публичности. Она вводила регулярность, рубрикацию, письма в редакцию, объявления, то есть формы, через которые общество училось функционировать как «читательская аудитория». Ключевой момент здесь – появление спора как нормальной практики. Джадидская публицистика не просто транслировала готовые истины; она обучала читателя мыслить причинно-следственно, сравнивать, выстраивать аргументы.

Для женской темы это было принципиально. Там, где прежде доминировали локальные решения внутри семьи и махалли, печатный текст позволял описать проблему как общественную: ранний брак – не частная судьба, а источник демографических и экономических потерь; отсутствие грамотности у матерей – не «женская слабость», а фактор низкого качества образования детей. В терминах культурной истории пресса стала каналом, через который «дом» оказался связан с проектом современного общества (Khalid, 1998).

Почему женская тема стала публичной

Почему именно женская тема стала публичной? Во-первых, потому что через нее можно было говорить о будущем: фигура матери позволяла связать домашнее воспитание с качеством поколения. Во-вторых, потому что критика семейных практик могла быть подана как забота о морали и экономике, то есть как «безопасная» критика по сравнению с прямыми политическими вызовами. В-третьих, потому что женская грамотность легко легитимируется через прагматический язык пользы.

Камп показывает, что дебаты о женщинах в Центральной Азии начала XX века были встроены в конкурирующие проекты модернизации, и потому даже умеренные аргументы об образовании меняли структуру авторитета в семье и общине (Kamp, 2006). Именно пресса делала возможным обсуждение «правильного» устройства семьи как предмета общественного разговора.

Рамки дискурса женского образования

В женской тематике джадидской прессы можно выделить несколько устойчивых аргументативных рамок.

Прагматическая рамка опирается на идею пользы: грамотная мать – это здоровье детей, рациональность хозяйства,

уменьшение долгов, повышение качества быта. Реформа подается как экономически оправданная.

Религиозно-нормативная рамка утверждает совместимость обучения с исламской этикой и переводит ответственность за проблемы на невежество и неправильные практики, а не на религию.

Национально-культурная рамка связывает женское образование с сохранением языка и формированием «миллат», поскольку семья выступает каналом передачи культурных норм.

Критика обычая фокусируется на ранних браках и расточительных обрядах как на практиках, подрывающих общественную экономику и воспитание.

Сравнительная рамка использует примеры «других» обществ для доказательства возможности школ для девочек и для мотивации через сравнение.

Эти рамки формируют узнаваемую логику модернизации, где частная жизнь становится объектом общественной ответственности.

Рамка	Типовые тезисы	Ожидаемый эффект
Прагматическая «польза»	Грамотная мать укрепляет здоровье и хозяйство; образование снижает бедность.	Легитимация реформ как практической необходимости.
Религиозно-нормативная	Поиск знания совместим с исламской этикой; проблема – в невежестве, а не в религии.	Снижение сопротивления и расширение аудитории.
Национально-культурная	Женщина передает язык и нравы; реформа семьи равна реформе культуры.	Связь частного и общественного, формирование «миллат».
Критика обычая	Ранний брак и расточительные обряды вредят будущему поколению.	Переоценка повседневных норм.
Сравнительная	Опыт других обществ демонстрирует возможность школ для девочек.	Доказательство возможности и мотивация.

Таблица 1. Дискурсивные рамки «женского вопроса» в джадидской публицистике

Историография и постановка проблемы

Историография джадидизма в целом склонна видеть в движении прежде всего образовательную реформу и проект культурного пробуждения. В таком чтении женская тематика часто оказывается «подразделом» школьной темы: если джадиды открывали школы для мальчиков, логично предположить, что следующим шагом становится школа для девочек. Однако подобная линейная схема упрощает реальную картину. Историки подчеркивают, что джадидизм формировался внутри колониального порядка Российской

империи и потому соединял культурные цели с прагматикой выживания, компромисса и самоцензуры (Khalid, 1998; Hitchens, 2017). Из этого следует важный вывод: женская тема в прессе не может быть понята только как «идея прогресса»; она была одновременно риторическим ресурсом и зоной риска, где любая формулировка могла вызвать сопротивление как со стороны традиционалистов, так и со стороны колониальных институтов контроля.

Исследования гендерной истории Центральной Азии позволяют уточнить, почему «женский вопрос» становится

центральной метафорой модерности. Камп показывает, что в регионе начало XX века характеризовалось конкуренцией проектов «правильной жизни»: одни участники стремились сохранить привычные нормы, другие – реформировать их изнутри, третьи – использовать тему женщин как символ цивилизационной миссии и оправдание вмешательства (Камп, 2006). В таком контексте печать выполняла функцию «переводчика»: она переводила семейные практики в язык общественной рациональности, но при этом старалась сохранять моральную легитимацию, не разрушая религиозное основание общины.

Для анализа печатных текстов полезно различать (1) уровень нормативного утверждения и (2) уровень социального воображения. На первом уровне тексты говорят «как должно быть»: учить девочек, сократить расходы на обряды, не выдавать замуж слишком рано. На втором уровне тексты конструируют воображаемую модель общества, где семья связана со школой, экономика – с моралью, а женщина – с будущим поколения. Именно второй уровень делает джадидскую публицистику важным объектом: она показывает, каким образом в регионе формируется представление о публичной ответственности за частную жизнь.

Наконец, необходимо отметить трансрегиональный фактор. Джадидская пресса Туркестана входила в общероссийское мусульманское информационное поле, где идеи о женском образовании обсуждались также в татарских, крымскотатарских и кавказских изданиях. Исследование о сотрудничестве татарских просветителей с туркестанской печатью фиксирует наличие таких связей уже на этапе ранних газетных проектов, включая «Taraqiy» (Abdurasulov, 2022). Это объясняет, почему аргументация о женщинах часто имеет сравнительный характер: авторы не только критикуют

местный обычай, но и апеллируют к «опыту других», доказывая возможность реформы.

Таким образом, постановка проблемы в данной статье исходит из того, что женская тема в джадидской прессе – это не только сюжет о женщинах, но и метод обсуждения модернизации как таковой. Через нее обсуждаются границы допустимого изменения, способы убеждения общества, компромиссы между религиозной нормой и рационалистической критикой, а также формирование нового типа публичного аргумента.

Семейные практики как объект критики

Публицистика джадидов редко ограничивалась тезисом «нужны школы». Женская тема проявлялась также в критике конкретных семейных практик: ранних браков, чрезмерных свадебных расходов, конкуренции статусов в обрядах, а также в обсуждении полигамии и развода. Эти сюжеты встраивались в общую рамку «исправления общества» через рационализацию повседневности.

Критика расточительности была особенно удобной темой, потому что она переводила моральную оценку в экономический язык. Свадьба, траурный обряд или угощение рассматривались как система социального давления: семьи вынуждены тратить средства ради «славы», а затем попадают в долги, что снижает возможности обучения детей и подрывает хозяйство. В этом дискурсе «обычай» описывается не как священная традиция, а как практика, создающая отрицательные внешние эффекты. Такой поворот важен методологически: он делает возможным разговор о реформе как о снижении социальных издержек.

При обсуждении раннего брака заметна попытка медицинской и педагогической рационализации семейной морали. Аргумент строится примерно так: девочка, выданная замуж слишком рано, теряет возможность учиться и оказывается

неготовой к материнству; от этого страдают и здоровье, и экономическое благополучие семьи. В терминах дискурсивной стратегии это «перевод» нормы из сферы обычая в сферу причинно-следственных связей, где можно спорить о последствиях и эффективности. Важный момент – адресат аргумента. Часто он направлен на мужчин, принимающих решения в семье: им предлагается прагматическая формула, где образование девочки приносит пользу всей семье.

Тематика полигамии и развода в джадидских текстах, как правило, подается осторожно. В ней можно увидеть попытку развести религиозную норму и социальную практику: допускается, что религия содержит определенные положения, но подчеркивается необходимость справедливости, ответственности и рациональности. Тем самым проблема смещается из сферы «разрешено/запрещено» в сферу «как это устроено на практике и к чему приводит». Это снова педагогизация морали: общество должно научиться отличать принцип от злоупотребления.

Важно подчеркнуть, что джадидская пресса обычно избегала прямой конфронтации с религиозными авторитетами. Напротив, авторы старались показать, что зло происходит не от религии, а от невежества и неправильного толкования. Такая позиция позволяла одновременно утверждать реформу и сохранять моральное лидерство, не отдавая его «чужим» идеологиям (Khalid, 1998). При этом именно женская тема служила индикатором: насколько общество готово преобразовывать повседневность, не разрушая морального основания.

В рамках критики семейных практик формируется важная для джадидской модерности связка: «образование – экономия – мораль». Женское образование включается в эту связку как механизм, который делает дом более устойчивым.

Такая логика заметно отличается от более поздних политик, где женский вопрос часто становится символом «разрыва» с прошлым. В джадидской прессе чаще просматривается стратегия «внутренней реформы»: изменить практику, сохраняя ценностный каркас.

Жанры и медиальные техники обсуждения

Если рассматривать джадидскую прессу как инструмент социальной реформы, то важно анализировать не только содержание тезисов, но и медиальные техники: как именно текст организует внимание читателя и превращает абстрактную идею в социально понятную проблему. Женская тематика редко оформлялась как «одна рубрика»; скорее, она была распределена по жанрам и темам, создавая эффект постоянного присутствия.

Во-первых, это короткая заметка. Газетная заметка обычно строится вокруг факта (открытие школы, сбор средств, публичное чтение, реакция на письмо) и завершает его оценкой. Для женской темы важна именно оценка: она фиксирует норму, которую читателю предлагается принять. Показателен прием «малой причинности»: из короткого факта делается общий вывод о том, что неграмотность матерей снижает результат обучения детей или что ранний брак разрушает здоровье семьи. Таким образом даже краткий текст становится элементом педагогического воздействия.

Во-вторых, письмо в редакцию. Письмо – это медиальная форма, которая переводит частный опыт в публичный аргумент. Оно может быть написано мужчиной, женщиной или от имени «читателя», но в любом случае письмо создает эффект социальной близости: проблема описывается не как теория, а как пережитая ситуация. Риторически письмо часто включает три компонента: (а) описание случая; (б) моральное осмысление; (в) просьбу или требование

изменения. Такая структура делает письмо «микромоделью» общественного участия: читатель учится формулировать претензию и ожидание нормы.

В-третьих, полемическая реплика. В условиях ограниченной публичной политики полемика в прессе становилась заменителем политических дебатов. Когда редакция отвечает критикам реформ, она создает пространство легитимного несогласия: спор становится не скандалом, а практикой аргументации. Для женской темы это особенно важно, потому что сопротивление реформе женщин обычно сопровождается моральными обвинениями. Полемический текст стремится разоружить обвинение, показывая, что образование не разрушает нравственность, а укрепляет ее.

В-четвертых, морально-педагогический очерк. Этот жанр ближе к эссе: автор рассуждает о причинах невежества, о роли семьи, о долге родителей. Женская тема в таком очерке выступает как узловой пример: если мать не читает и не пишет, то домашняя культура остается закрытой для «нового знания». Отсюда возникает фигура «грамотной матери» как педагогического посредника между школой и ребенком.

В-пятых, текст с элементами сравнения. Сравнительные сюжеты (другие мусульманские общества, другие города, другие школы) выполняют сразу две функции: они доказывают возможность (это уже сделано где-то) и создают эмоциональный эффект стыда за отставание. Такой прием устойчив в риторике модернизации.

В совокупности эти медиальные техники делают женскую тему «повседневной» в публичном поле. Она перестает быть редким морализаторским сюжетом и превращается в показатель качества общества: как семья относится к образованию девочек, так и общество относится к своему будущему.

Риторика новой женщины и границы модернизации

Фигура «новой женщины» в джадидской публицистике не тождественна поздней советской модели эмансипации, ориентированной на разрыв с традиционными нормами. Скорее, это образ «грамотной хозяйки и матери», которая поддерживает обучение детей, умеет читать и писать, может вести элементарную домашнюю документацию и участвовать в просветительских практиках. Речь идет о расширении компетенций внутри семейного пространства, а не обязательно о выходе в публичную политику.

Тем не менее даже такой «умеренный» образ является значимым культурным сдвигом. Он предполагает, что женщина должна иметь доступ к знаниям, что ее мнение в вопросах воспитания имеет вес, и что мораль семьи может укрепляться через образование, а не только через контроль. Именно пресса формирует язык, который делает этот образ общественно понятным.

Тешабаева показывает, что джадидская пресса конструировала представления о женщине «нового типа», включая мотивы национального пробуждения и культурной ответственности (Teshabaeva, 2025). Здесь важно не только то, что женщина получает новую характеристику, но и то, что новая характеристика включается в национальный проект. Женщина становится хранительницей языка и носителем культурной дисциплины, а значит, ее образование объявляется делом «миллат».

Однако идеология новизны имеет границы. Джадидские тексты могли признавать необходимость обучения девочек, но часто оставляли в силе патриархальную оптику: женщина ценится через функции (мать, воспитательница, хранительница нравов). В результате появляются два параллельных дискурса. Первый – модернизаторский: женщине нужна грамотность, потому что без нее

общество не сможет развиваться. Второй – дисциплинарный: образованная женщина должна оставаться нравственной, скромной и ориентированной на семью.

Сочетание этих дискурсов не является случайностью; оно отражает стратегию «внутренней реформы». Джадиды старались продвигать изменения так, чтобы они выглядели морально безопасными. Камп подчеркивает, что дебаты о женской субъектности в регионе разворачивались на фоне конкурирующих проектов, и потому часто принимали форму компромисса: изменение допускается, если оно не разрушает моральный каркас (Kamp, 2006).

Отсюда следует методологически важный вывод: «новая женщина» в джадидской прессе – это не только социальный идеал, но и риторический инструмент. Через него авторы показывают, что модернизация может быть «своей», не навязанной извне. Женская грамотность в такой логике становится доказательством способности общества к самореформе.

В то же время функционалистская оптика создавала внутренние напряжения. Если женщина определяется прежде всего через материнство, то ее образование оценивается не как личное право, а как средство повышения качества детей. Это ограничивает горизонты дискурса: он почти не затрагивает вопросы правового статуса или публичного представительства. Тем не менее именно такой дискурс мог быть социально приемлемым в условиях ранней модернизации и цензуры.

Таким образом, образ «новой женщины» следует читать как поле переговоров: между идеей прогресса и идеей морального порядка, между национальным проектом и семейной традицией, между риторикой ответственности и рамками патриархальной дисциплины.

Газета и журнал как разные режимы публичности

Сравнение газетного и журнального форматов помогает точнее понять, как строилась женская проблематика в медиальном пространстве джадидов. На уровне «темы» газета и журнал могут говорить об одном и том же, но на уровне коммуникативной организации они создают разные режимы публичности.

Газета ориентирована на регулярность и оперативность. Она фиксирует события, реагирует на письма, публикует объявления и короткие комментарии. Это означает, что газета формирует ритм общественного внимания: читатель привыкает, что проблема может возвращаться из номера в номер, что на нее можно отвечать, что вокруг нее формируется позиция. В женской теме это проявляется, например, как серия коротких сообщений о школах, о благотворительных сборах, о случаях раннего брака или о критике «обычая». Каждый текст по отдельности может быть небольшим, но их повторяемость создает эффект «нормализации» обсуждения.

Журнал, напротив, работает как пространство развернутого аргумента. Он допускает длинные эссе, исторические очерки, педагогические тексты, художественные миниатюры и письма читателей, которые необязательно привязаны к событию конкретного дня. Поэтому журнальный формат особенно подходит для темы семьи и гендера, где требуется объяснять и убеждать, а не просто сообщать.

Исследование о журнале «Oyina» подчеркивает, что он выполнял роль национального просветительского журнала и включал материалы по образованию, культуре и общественным вопросам (Egamqulova, 2019). Для женской темы важно, что журнальная площадка могла одновременно объединять разные голоса: педагогическую аргументацию, моральные рассуждения, критические письма. Это создавало модель публичности, в которой женщина рассматривается не только как

объект морализаторства, но и как часть социальной структуры.

Кроме того, журнальный формат поддерживает «обучающий» стиль письма: автор может шаг за шагом пояснять причины и последствия, разбирать типичные возражения, предлагать практические решения (например, как организовать обучение дома, как договориться с родственниками, как экономить средства на обрядах). В итоге журнал функционирует как своего рода методическое пособие культурной реформы.

Таким образом, газетный и журнальный режимы публичности дополняют друг друга. Газета создает ритм общественного внимания и практику короткой реакции; журнал – пространство для углубления и стандартизации аргумента. В совокупности они формируют медиальную среду, в которой «женский вопрос» становится частью повседневной модерности.

Межрегиональные сети и циркуляция аргументов

Джадидская печать Туркестана не существовала в вакууме. Она была включена в более широкий тюрко-мусульманский информационный контур Российской империи, где идеи распространялись через перепечатки, личные контакты, поездки и обмен письмами. Это особенно заметно в тематике образования и женского статуса: аргументы в пользу школ для девочек нередко поддерживались примерами из других регионов, где подобные школы уже действовали.

В этом контексте важны связи с татарским и в целом волго-уральским просветительством. Исследование сотрудничества татарских просветителей с туркестанской печатью фиксирует, что уже в 1906 г. вокруг ранних газетных проектов складывались коммуникационные мосты между регионами, а редакторы и авторы выступали посредниками между разными

читательскими мирами (Abdurasulov, 2022). Такие мосты усиливали убедительность реформаторской риторики: если в другом мусульманском обществе удастся сочетать образование женщин и моральные нормы, то это служит аргументом против утверждения, что школа для девочек якобы «неприемлема».

Межрегиональные сравнения в джадидской публицистике работают как технология легитимации. Они не обязательно дают точные статистические данные; их цель – показать возможность и сформировать чувство ответственности. Риторически это выглядит как «перевод» локального вопроса в общий цивилизационный язык: народ, который не учит женщин, рискует остаться на обочине истории.

Кроме того, сети обмена идеями способствовали циркуляции терминов и понятий. Понятия, связанные с просвещением и прогрессом, переходили из одного издания в другое, закрепляясь как общий словарь реформы. В результате женская тема формируется не как случайный набор мнений, а как относительно устойчивый дискурс с повторяющимися аргументами и образами.

Наконец, межрегиональные связи расширяли и жанровый репертуар. Письма, сообщения, обзоры, краткие переводы или пересказы могли попадать в туркестанские издания и подталкивать местных авторов к более системному разговору о женщинах и образовании. С этой точки зрения печать выступает не только как зеркало внутренних проблем, но и как канал переноса культурных моделей, которые затем адаптируются к местным нормам.

Язык, адресат и социальная база читателей

Эффект джадидской печати напрямую зависел от того, кто мог быть читателем. В городах Туркестана начала XX века формируются новые группы грамотных: учителя и учащиеся новых школ, часть

торговцев и ремесленников, небольшая интеллигенция. Для этих групп пресса становится не только источником информации, но и механизмом социальной самоидентификации: чтение газет и журналов выступает как признак принадлежности к «просвещенному кругу».

Женская тема в этом контексте выполняет функцию маркера современности. Поддержка образования девочек становится символом новой ответственности: семья должна мыслить не только текущей выгодой, но и будущим поколения. При этом адресат многих аргументов – мужчины, принимающие решения о распределении ресурсов. Поэтому джадидские тексты часто строятся так, чтобы снять их страхи: школа для девочек не разрушает нравственность, если она организована правильно; напротив, грамотность укрепляет мораль и порядок дома.

С языковой точки зрения периодика стремилась расширять аудиторию. Использование тюркского литературного языка в газетах и журналах служило двойной цели: (1) сделать текст доступным тем, кто не владеет русским; (2) формировать общий культурный код «миллат». При этом присутствовали и элементы многоязычия: русские термины, заимствования, цитаты, что отражает сложную языковую ситуацию колониального города.

Важно и то, что женщины часто не были прямыми читательницами, но могли сталкиваться с идеями через посредников: учителей, родственников, публичные чтения, театральные постановки, пересказ в семье. Следовательно, печать работала не только как индивидуальное чтение, но и как социальная практика передачи смыслов. Публичное чтение в чайхане или в кругу учеников превращало печатный текст в устное обсуждение, а женская тема могла входить в семейный разговор.

Для исследования таких механизмов важны библиографические и справочные

материалы, показывающие, какие сюжеты циркулировали в печати. Так, аннотированная библиография материалов о Туркестане в газете «Tarjimon» (1883–1917) демонстрирует широту тем и каналы трансрегионального обсуждения, что важно и для гендерной проблематики (Abdirashidov, 2017).

Цензура, грамотность и социальные ограничения

Любая оценка влияния джадидской прессы должна учитывать структурные ограничения, которые определяли как содержание, так и стиль публикаций.

Во-первых, цензура и политический контроль. Публичная критика могла быть интерпретирована как подрыв порядка, поэтому многие авторы выбирали косвенные способы выражения: моральная критика обычая, экономические аргументы, апелляции к религии и пользе. Это не означает отсутствия политического измерения; напротив, в условиях ограничений социальная критика семьи часто заменяла прямую политическую полемику.

Во-вторых, уровень грамотности и доступ к печати. Даже если городская аудитория росла, она оставалась ограниченной. Это заставляло редакции писать так, чтобы текст был понятен и практичен. Женская тема часто подавалась через примеры и короткие причинно-следственные формулы, чтобы убеждение было более эффективным.

В-третьих, экономическая нестабильность изданий. Подписка, расходы на печать, логистика распространения, кадровые ресурсы – все это ограничивало продолжительность проектов. Поэтому многие газеты существовали недолго, а журналы зависели от узкого круга энтузиастов. Тем не менее, как показывают обзоры национальной периодики, даже кратковременные проекты сыграли роль в становлении образовательной и культурной повестки (Begbudieva, 2023).

В-четвертых, социальное сопротивление реформам. Тема женского образования затрагивала распределение авторитета внутри семьи, поэтому вызывала опасения. Здесь джадидская пресса использовала стратегию «внутренней реформы»: показать, что обучение не отменяет традиции, а делает ее более устойчивой. С этой точки зрения важно, что дискурс часто строился вокруг ответственности родителей и экономической пользы, а не вокруг абстрактных прав.

Эти ограничения помогают понять нелинейность модернизационного проекта. Джадиды могли предлагать новые нормы, но реализация зависела от инфраструктуры школы, от согласия семей, от экономических возможностей и от политической ситуации. Поэтому пресса должна рассматриваться как пространство формирования языка и аргументов, а не как прямая инструкция немедленного социального преобразования.

Кейс дискурсивной техники: критика свадебной расточительности

Таким образом, критика свадебной расточительности является не частной моральной темой, а узловой точкой дискурса модернизации. Через нее пресса одновременно предлагает новую экономическую рациональность и новую систему символического признания, где образование женщин и детей рассматривается как высшая форма общественной пользы.

В женской теме этот механизм усиливается: поскольку свадьба напрямую связана с судьбой девушки, критика обряда становится критикой раннего брака, принуждения и отсутствия выбора. В результате вместо нейтральной этнографической практики обряд получает статус социального института, который нужно реформировать. Это демонстрирует общий принцип джадидской публичности: бытовая практика объясняется как институт

с последствиями, а значит, становится предметом обсуждения и изменения.

Риторически этот поворот достигается несколькими приемами. Первый – причинно-следственная цепочка: «расходы → долги → слабое хозяйство → невозможность учить детей». Второй – перевод морали в язык общественного вреда: расточительность наносит ущерб не только семье, но и «миллат» в целом, потому что уменьшает ресурсы развития. Третий – противопоставление «обычая» и «истинной нормы»: авторы могут утверждать, что религия не требует показного расточительства, а значит, отказ от чрезмерных расходов не является грехом.

Обряд, особенно свадьба, традиционно выполнял функцию публичного подтверждения положения семьи: количество гостей, масштабы угощения, подарки и демонстрация расходов создавали репутацию. Однако именно эта репутационная логика превращалась в источник долгов и экономической нестабильности. Джадидская пресса, критикуя расточительность, фактически предлагает альтернативную модель статуса: уважение должно основываться не на демонстративных расходах, а на пользе – прежде всего на вложении в образование и здоровье.

Для более конкретного понимания того, как пресса «работала» с нормами, полезно рассмотреть типовой механизм критики свадебной расточительности. На уровне содержания это выглядит как морализаторство, но на уровне социальной технологии это инструмент перераспределения статуса.

Перспективы дальнейших исследований

Дальнейшие исследования могут расширить результаты в трех направлениях. Во-первых, корпусный анализ сохранившихся номеров газет и журналов позволит проследить, как меняется

риторика женской темы в зависимости от политического момента (например, усиление цензуры, война, революционные события). Во-вторых, важно сопоставить тюркскую, русскоязычную и персоязычную печать региона, чтобы увидеть различия в адресате и аргументации. В-третьих, перспективно соединять дискурс прессы с микроисторическими данными (семейные архивы, воспоминания, судебные документы), чтобы лучше понять, как печатные нормы входили в практику.

Сопоставление с общероссийской мусульманской прессой

Наконец, сопоставление показывает и общую черту: везде женская тема становится способом говорить о границах модернизации. Через обсуждение школы для девочек общество решает более широкий вопрос: как изменяться, оставаясь собой. Для Туркестана этот вопрос был особенно острым из-за колониального контекста и быстрого изменения политической ситуации в 1910-е годы.

Второе отличие связано с легитимацией. Для туркестанских авторов особенно важно подчеркнуть, что реформа является «внутренней» и морально безопасной. Отсюда активная апелляция к религиозной совместимости обучения и к критике «обычая», а не религии. Такой ход можно интерпретировать как стратегию, которая одновременно снижает конфронтацию и защищает право общества на самореформу (Khalid, 1998).

Например, в развитых центрах мусульманской печати тема женского образования могла обсуждаться как часть широкого интеллектуального спора о модерности, тогда как в Туркестане она нередко привязывалась к конкретным барьерам: нехватка учителей, отсутствие помещений, сопротивление семей, экономические ограничения. Это делает туркестанскую прессу особенно интересной для исследования, потому что в ней видно,

как идеологические аргументы адаптируются к повседневности.

Чтобы точнее оценить специфику туркестанской джадидской публицистики, полезно коротко сопоставить ее с общероссийской мусульманской печатью. В имперском масштабе дискуссии о женщинах и школе для девочек начались раньше и имели более широкую аудиторию в регионах с развитой печатной инфраструктурой. Туркестанские издания входили в этот контур позднее и вынуждены были одновременно решать две задачи: создавать читательскую аудиторию и продвигать реформы. Поэтому риторика часто более прагматична и «пошагова».

Практическая инфраструктура реформ в малых жанрах

С точки зрения дискурса это важно, потому что связывает «норму» и «действие». Риторика о пользе образования превращается в конкретные механизмы участия: подписка, пожертвование, посещение урока, обсуждение в семье. Именно такие практические переходы помогают понять, почему пресса могла влиять даже при ограниченной аудитории: она не только убеждала, но и предлагала каналы включения в реформаторскую деятельность.

Отдельного упоминания заслуживают «малые» элементы газетной и журнальной страницы – объявления, заметки о подписке, сообщения о сборе средств, а также визуальные маркеры рубрикации. Хотя такие элементы редко воспринимаются как часть идеологии, они формируют практическую инфраструктуру реформ. Если издание призывает поддержать школу или сообщает о наборе учащихся, оно делает реформу измеримой: появляется адрес, срок, сумма, ответственность. Женская тема может входить сюда косвенно – через объявления о курсах, о благотворительных инициативах, о публичных лекциях.

В результате печатная форма меняла и само строение аргумента: вместо приказа

или традиционного авторитета появлялась апелляция к читателю как к субъекту выбора. Читатель должен был сравнить варианты, оценить последствия и принять решение в пользу «маърифат» и рациональности. В женской теме этот эффект особенно заметен, потому что решение об образовании девочек требовало переоценки привычных представлений. Таким образом пресса не только «сообщила» реформу, но и тренировала современный тип рассуждения, который опирается на доказательство и публичное обсуждение.

Наконец, важно помнить о локальной неоднородности: Ташкент, Самарканд и Ферганская долина имели разные социальные структуры и разные уровни доступа к новой школе. Поэтому единый «джадидский дискурс» в реальности всегда распадался на локальные варианты, которые могли по-разному артикулировать женскую тему и по-разному определять допустимые границы реформ.

Это делает дальнейшие сравнительные исследования особенно актуальными.

Заключение

Джадидская периодическая печать Туркестана начала XX века сыграла роль ключевого канала, через который «женский

вопрос» был переосмыслен как общественная проблема. Газеты и журналы формировали язык реформы, объединяющий прагматику пользы, религиозную легитимацию и национально-культурные аргументы. Женское образование, критика раннего брака и расточительных обрядов, идея грамотной матери и образ новой женщины создавали связку семьи и модернизации, где приватное становится публично значимым.

Вместе с тем модернизационный дискурс имел границы. Он зависел от цензуры, неравномерной грамотности и экономической нестабильности изданий; многие тексты сохраняли функционалистскую оптику в отношении женщин, подчеркивая их роль как матерей и воспитательниц. Однако эти противоречия не отменяют исторической значимости джадидской публицистики: именно в ней были артикулированы аргументы и жанровые формы, которые закрепили практику публичного разговора о семье.

В итоге «женский вопрос» в джадидской прессе можно понимать как индикатор ранней модерности Туркестана: через него общество училось обсуждать нормы, измерять «пользу» и связывать повседневность с будущим.

References:

1. Abdirashidov, Z. (2017). *Tarjimon (1883–1917) gazetasidagi Turkiston materiallarining izohli bibliografiyasi*. (PDF).
2. Abdurasulov, A. (2022). *Turkistonda vaqtli matbuot va matbaa ishlarini yuzaga kelishida tatar ma'rifatparvarlari bilan hamkorlik aloqalari*. CyberLeninka.
3. Begbudieva, P. Sh. (2023). National Periodical Press Incipience and Its Role in Education Within Central Asia. *Eurasian Journal of History, Geography and Economics*, 27.
4. Egamqulova, N. (2019). "Oyina" – first Uzbek national magazine. *International Journal on Integrated Education*, 2(5).
5. Hitchens, K. (2017). *Jadidism*. Encyclopaedia Iranica.
6. Kamp, M. (2006). *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. University of Washington Press.
7. Khalid, A. (1998). *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. University of California Press.

8. Muminov, A. G. (2019). *To the Way of Informed Society*. Scienceweb.uz (PDF).
9. Teshabaeva, D. M. (2025). Jadid Press and the Making of the "New Woman". *The Lingua Spectrum*, 11(1), 426–430.
10. Tilavova, S. S. (2024). Views of Turkestan Jadids on women's education. *Scientific Journal of the Fergana State University*, 30(4).